

אח

הל

תרגומי השירה הלירית של אדולף גומן
Лирическая поэзия в переводах Адольфа Гомана

Рахель БЛУВШТЕЙН

רחל בלובשטיין

קובץ שירים "נבו" 1932 «Нево»
Сборник стихов «Нево»

Перевод с иврита
Примечания переводчика

תרגום מעברית
הערות של המתרגם

adolf.goman@gmail.com

Рахель БЛУВШТЕЙН

(1890-1931)

Краткая биографическая справка

РАХЕЛЬ – псевдоним Рахели Блувштейн (1890-1931), еврейской поэтессы. Родилась в Саратове, росла в Полтаве. В юности писала стихи по-русски и училась живописи. В 1909г. иммигрировала в Палестину (Эрец Исраэль, как называют её на иврите), где примкнула к еврейским поселенцам и была одной из первых женщин-стажёров на с.-х. ферме около озера Кинерет.

В 1913г. Рахель изучала агрономию в университете г.Тулузы (Франция).

Из-за Первой мировой войны Рахель Блувштейн не смогла вернуться в Эрец Исраэль. Она учила детей евреев-беженцев в России, где и заразилась туберкулёзом. Вернувшись в Эрец Исраэль, она некоторое время работала на ферме в Дегании, но болезнь заставила её провести последние годы жизни в больницах и санаториях.

Первые стихи на иврите Рахель написала в 1920г. Она печаталась в газете "Давар", и каждая её публикация ожидалась и воспринималась, как важное событие в культурной жизни еврейского ишува. Два сборника стихов «Отава» и «Напротив» вышли при её жизни, третий «Нево» – посмертно. Рахель, одна из первых в современной еврейской поэзии, широко использовала разговорный язык. Её знание иврита опиралось на живую речь и язык ТАНАХа. Сказалось и влияние современных ей русских поэтов – Блока, Ахматовой и др.

Для поэзии Рахели характерны ясность, лиричность, музыкальность, краткость, но, вместе с тем, глубина и многоплановость содержания, элегичность и ностальгия на грани смерти. Эти качества сделали поэзию Рахели очень популярной, особенно – у молодых читателей. Большая часть её стихов положена на музыку.

Рахель переводила русскую, идишскую и французскую поэзию.

Третий сборник стихов Рахели «Нево» вышел через год после её смерти; Его название перекликается с названием стихотворения из второго сборника и намекает на библейскую историю, что с горы Нево Моисей, ведущий народ в землю обетованную, смотрел на неё зная, что ему не суждено туда войти и его личным мечтам не суждено воплотиться.

Содержание

Весна

Лишь о себе рассказать умела

И если не исцелила рука

Я в саду посадила тебя

Верное сердце у меня

Письмо

Я себя рассказала дотла

На гумне

Сосед

Другая печаль

На заре

Еврейка

У окна

Моя маленькая радость

Хони Амаагаль

На Книге Иова открыт мой ТАНАХ

Этот день, он настал. Как ждала я!

Своей рукой

Я взгляд твоих глаз возьму поспешно

Пожелание

Не осуждай меня...

Прежними ночами

Воспоминания

Ночное доение

Росток

Цвета

В городе

Зачем следишь за тропой

Нежность

И желанье одно

Пути запретного

И если

Разбить и плакать

תוכן העניינים

אביב

רק על עצמי לספר ידעתי

ואם לא רפאה היד

בגני נטעתיך

לב אמונים לי

מכתב

את כלי ספרתי עד תם

על הגרן

שכן

עצבת אחרת

עם שחר

עבריה

ליד החלון

ששוני הזעיר

חוני המעגל

תנ"כי פתוח בספר איוב

כה צפיתי ליום – והגיע

במו ידי

הנה אקח את מבט עיניך

משאלה

אל תרשיעני...

בלילות מקדם

זכרונות

חליבת לילה

נבט

צבעים

בעיר

למה תרצה לעקב

עדנה

ורצון רק אחד

עבותות האסור שקלעתי

ולו

לשבר ולבכות

Праздник
Молитва
Прохладный вечерний ветер
Когда

חג
תפלה
רוח ערב צוננת
מתי

* * *

* * *

Весна

אביב

Как всегда, неожиданно возникает
И что-то сердцу говорит, говорит...
Без слов –
Лишь намёк, лишь дрожь – немая,
К забору прижавшись, с серым лицом,
Судьбе покорна, всех тише...
Шалфей и горчица – весёлые нищие –
Проклюнулись всюду: весна!

קָצָה מְעוּדוֹ: מִתְגַּלֶּה כְּמִפְתִּיעַ
וּמְשִׁיחַ, מְשִׁיחַ לֵלֶב,
בְּלִי אָמַר –
רַק רֶמֶז, רַק זִיעַ.
אֶל גֹּדֶר דְּחוּיָהּ, אֶפְרַת פָּנִים,
רֶבֶת הַכְּנָעָה לַגּוֹרֵל,
קִבְּצָנִים עֲלִיזִים – סִבְיוֹן וְחֶרֶדֶל –
נִדְחִקִים בְּסָף.

Садовый бутон – и я.
Небесная птица – и я.
Приду на праздник.
Да будет благословенна она!

צִיץ הַגֶּנֶה – וְאֲנִי.
עוֹף הַשָּׁמַיִם – וְאֲנִי.
שֶׁהִגִּיעֵנִי לְחַג הָאֲבִיב – יְבָרֶךְ!

Лишь о себе рассказать умела

רק על עצמי לספר ידעתי

Лишь о себе рассказать умела :
Узок мой мир, как мир муравья ;
Так же, как он, на слабые плечи
Ношу взяла непосильную я.

רק על עצמי לספר ידעתי.
צר עולמי כְּעוֹלָם נְמִלָּה,
גַּם מִשְׁאִי עֲמֻסָּתִי כְּמוֹהָ
רַב וְכָבֵד מִכֶּתֶף הַדֹּלָה.

Путь мой, как путь муравья к вершине, -
Путь, полный боли, труда и бед, -

גַּם אֶת דֶּרֶךְִי – כְּדֶרֶךְ אֶל צִמְרֵת –
דֶּרֶךְ מִכְּאוֹב וְדֶרֶךְ עֵמֶל,

Руки гигантов с уверенной силой
В злобном ехидстве свели на нет.

יָד עֲנָקִים זְדוֹנָה וּבֹטָחַת,
יָד מִתְבַּדַּחַת שָׁמָּה לֹאֵל.

Каждый мой шаг искажал и слезами
Полнил в душе затаившийся страх.
Что же ты звал меня, берег чудесный ?
Что же вы лгали мне, дали в огнях ?

כָּל אַרְחוֹתַי הִלִּיז וְהִדְמִיעַ
פָּחַד טָמִיר מִיַּד עֲנָקִים.
לָמָּה קִרְאתָם לִי, חֹפִי הַפֶּלֶא ?
לָמָּה כָּזַבְתָּם, אוֹרוֹת רְחוֹקִים ?

И если не исцелила рука

ואם לא רפאה היד

Он поражает, и Его же руки врачуют
(Иов 5:18)

יִמְחֹץ וַיִּדְּיוּ תִרְפִּינָה
(איוב ה', י"ח)

Что ж, если рука поражавшая не исцелила,
Бальзам не дала мне, чтоб в сердце пролить, -
Я выбрала скорбь, она не согрешила,
Я боли желала, её ли винить?

וְאִם לֹא רַפְּאָה הַיָּד הַמּוֹחֶצֶת
אִם אֵין לָהּ צָרִי לְצִקַּת לֵלֶב,
חֲטוּא לֹא חֲטָאָה לִי – בְּחִרְתִּי בְּעֶצֶב
הַיִּטִּיבָה עִמִּי כִּי רָצִיתִי בְּכָאֵב.

Я боли желала, победу дарящей,
Дающей плоды, что очистит меня,
Как лезвие плуга, жестоко разящей,
Чьи слёзы, как первого капли дождя.

רָצִיתִי בְּכָאֵב. בְּכָאֵב מְנַצֵּחַ,
בְּכָאֵב מְטַהֵר, מְעַנִּיק וּמַפְרֵה;
כָּאת-הַחוֹרָשִׁים לִי חֲדוּ הַפּוֹלֵחַ,
נְטִפֵּי דְמָעוֹתָיו כָּאֵגְלִי הַיּוֹרֵה.

Оно распростёрлось в печальном пейзаже -
Пустое гумно моё, жди зёрна нив!
Что ж, если рука раны не перевязет,
Явила всё ж милость, мне боль подарив...

בְּנוֹף עֶצְבוֹן קָמָה מִשְׁתַּרְעֶת, –
גִּרְנִי הַשּׁוֹמֵמֶת נָכוֹן לָהּ יְבוּל!
וְאִם לֹא חֲבָשָׁה הַיָּד הַפּוֹצְעֶת –
הַגְדִּילָה חֲסֵדָה... גְּמָלָה לִי הַגָּמוּל...

Я в саду посадила тебя

בגני נטעתיך

Я в саду посадила тебя цветком,
В потайном саду – в сердце моём.
Твои ветви там разрослись во мне,

בְּגִנִּי נְטַעְתִּיךָ,
בְּגִנִּי הַמְּצֻנֶּע – בְּלִבִּי.
הַשְׁתַּרְגּוּ פְּאוּרוֹתֶיךָ

Корни путь нашли в глубине.

וְעִמְקוֹ שָׁרְשֵׁיךָ בִּי.

Сад не молкнет, без устали он поёт
Песни тысяч птиц день напролёт,
От зари заливается до темноты -
Это ты в нём, ты в нём, это ты.

וּמִשְׁחַר עַד לַיְלָה
לֹא יִשְׁקֹט, לֹא יִרְגִיעַ הַגֵּן –
זֶה אַתָּה בּוֹ, אַתָּה בּוֹ
בְּאַלְפֵי צִפְרִיךָ רֵן.

Верное сердце у меня

לב אֶמוּנִים לִי

Верное сердце у меня. В страдание
Оно не уstraшится наготы листопада;
Всё благословляет вопреки преградам -
Слабый ветер осени ранней,
Вечности силу, зелёные соки -
Верное сердце. Слышишь, далёкий?

לב אֶמוּנִים לִי, לב אֶמוּנִים.
הוא לא יִירָא אֶת עִירֵם הַשְּׁלֶכֶת;
כְּנֶגֶד קִשְׁיוֹת הַכֹּל מְבָרֶכֶת,
רוּחַ הַסֶּתֶם אֵין אֲנִים –
נֶצַח אֵיתָן, נֶצַח יֶרֶק;
לב אֶמוּנִים לִי, אַתָּה הַרְחוֹק!

Письмо

מִכְתָּב

...И хорошо мне, пусть так. Я храню сейчас
Секрет мига счастья, разбитого не куски;
И благодарно касаются мои губы руки,
Что меня будет ранить ещё много раз.

... וְטוֹב לִי, טוֹב בְּךָ. אֲנִי שׁוֹמְרֵת סֵדֶר
שֶׁל אֲשֶׁר מִדָּמָה נִגְלָה לִי וְנִכְחַד,
וּבְנִשְׁיָקֶת תּוֹדָה נֹגְעוֹת שְׁפָתַי בְּיָד
אֲשֶׁר פָּצְעָה אוֹתִי וְתִפְצְעֵנִי עוֹד.

Но есть минуты безумия, злости, скорбей,
Когда я хочу твой покой разрушить вдруг,
Как на Страшном Суде разорвёт небо звук
Шофара... Даже ценою жизни моей... *)

אָךְ יֵשׁ בְּשָׁעוֹת שְׁלוֹם, רִגְעֵי דִכְדּוּף וְדָוִי,
אָךְ יֵשׁ רִגְעֵי טְרוּף, רִגְעֵי זְדוֹן אֲכָזָר:
לְקָרַע שְׁלוֹתֶךָ כְּקָרַע קוֹל שׁוֹפָר
שְׁמִי יוֹם הַדִּין... וְלוֹ בְּמַחִיר חַיִּי...

*) шофар – рог, в который трубят на религиозных церемониях

Я себя рассказала дотла

אֶת כְּלֵי סִפְרָתִי עַד תֵּם

Я себя рассказала дотла.
Все грозди мои – до давилъни.
Что смогла.
Услышишь ли молчанье моё,
Если были слова бессильны

את כלי ספרתי עד תם
את כל ענבי – הגתה.
ואדם.
התשמע את אלמי –
ואתה את דברי לא שמעת!

На гумне

על הגרן

Посв.Хае Цельцер

לחיה זלצר

Помнишь? Мы спали
На верху кучи хлеба,
И, о, какой стыд: как заря занялась,
Нас зубьями вил разбудили смеясь!

את זכרת? היינו לנות
על קדקד ערמת הדגן,
הוי לבשת פנים, עת קו-שמש ראשון
העירנו צוחק בשני הקלשון!

А ночью –
Все потоки света мне были видны,
Что орошали нивы нашей страны;
Они пронзали, поили и благословляли во сне.

ובלילה בשנת –
כל פלגי האורה
שהשקו שדמות המכורה
עברוני, רווני, ציו ברכתם.

И они всё ещё сияют, сияют мне.

ועודם מאירים לי, עודם.

Сосед

שכן

Я его не вижу.
Но хорошо помню,
Чётко: он есть, он здесь. И оттого
От ночного страха как стража и щит мне -
Золотой квадрат света, его окно.

איני רואה אותו.
אבל אני זוכרת.
זוכרת אל נכון: הוא כאן, ישנו.
מפחד בלילות מגן לי ומשמרת
רבוע אור זהב של חלונו.

Только надо помнить,
Только знать надо:
Есть, как свет, несомненный, незримый в быту.

לו אף זכרנו: יש!
לו אף נתן לדעת:
יש מי בלתי נראה ונדאי כאור,

Память о нём, как рука, что несёт прохладу
Уставшим от страха на лоб в поту.

וזְכֹר קִרְבָּתוֹ כִּיד מְרַגֶּעַת
עַל מַצַּח מִיָּזַע שֶׁל עֵינֵי מְגוֹר.

Другая печаль

В дали голубой дни растают,
И ночи уйдут в темноту.
Стой мой караван, я устала.
Присяду, чуть-чуть отдохну.

Дам знак... За печалью полночной
Мне явится образ ясней,
Что в память вплетён мою прочно
Тех тысячи дней и ночей.

Бунтуя, печалюсь, страдаю –
Пойми и прости! Нас тогда
Коснулась печаль, но другая -
Очистила всех, как вода.

На заре

Мех с водой на плече, а в руках
Грабли, мотыга, корзина – иду
Я к далёким полям, к труду.

Справа горы стоят, как стражи,
Слева поля - готовы к весне.
Двадцать вёсен моих поют во мне.

Моя доля теперь, знаю я:
Нива, сияющая на солнце,
Пыль этих дорог. Моя земля.

עצבת אחרת

יְנוּעוּ הַשְּׁחֹר וְהַתְּכֵלֶת –
יְמִי, לִילוּתִי – לְמַרְחָק.
עֵינֵי, אֲבֵרֶיךָ הַגְּמֻלָּה,
אֲשֵׁב לִי, אֲנוּחַ לִי דֵק.

אֶרְמֵז... וּמִבְעַד לַנֶּכֶר
הִנֵּה מִתְרוֹמָמֶת לְאוֹת
הַדְּמוּת הַשְּׁלוּבָה בִּי בְּזִכְרִי
שֶׁל אֶלֶף יָמִים וְלִילוּת.

לְעֶצֶב, לְזַעַם, לְמָרָד –
הַבִּינָה וְסִלַּח לִי! נִזְכָּר:
מִגַּע שֶׁל עֲצָבֶת אַחֶרֶת
צָרַף אֶת כָּלֵנוּ כָּפָר.

עם שחר

נִבֵּל מַיִם בְּיַד עַל הַשָּׁכֶם
מַעְדָּר, מִגְרָפָה וְסֵל –
לְשִׁדּוֹת רְחוֹקִים, לְעֵמֶל.

מִיָּמִין – הָרִים כְּמִשְׁמֶרֶת,
מִרְחָבֵי שְׂדֵמוֹת לְפָנַי,
וְרָנִים בִּי עֶשְׂרִים אֲבִיבִי.

מִנֵּת חֶלְקִי עַד הַגִּיעַ קִצִּי:
קִמְתִּיךָ הַזֹּהָרֶת בְּשִׁמְשׁ
וְעַפְרִי דְרָכֶיךָ. אֶרֶץ.

Еврейка

Ли. Дочь Мириам.

Черна я, но красива (Песнь песней 1:5)

Я смотрю на неё и поражаюсь,

И кажется: вот, это та же самая,

В очаровании древних, в смуглости и в пыли,

Восстала из ТАНАХа.

И золотой мост тянется от неё

В землю евреев.

И воспоминания о днях благодати

Поднимаются в душе.

В чужих краях, идя и скитаясь

(Кто может сосчитать там пути?),

Я сменила смуглость и пыл

На голубизну и бледность.

Но если и растеряла – то не навеки,

И чувствую – не до конца.

И я вернусь, как возвращается путник

В деревню, где он родился.

Так предстану я перед тобой,

Сестра моя, с бьющимся сердцем;

Очарованием древних, их смуглостью и пылом

Утолю свои голубые глаза.

У окна

У моей соседки Товйвы

עבריה

לי. בת מרים.

שחורה אני ונאווה (שה"ש א', ה')

אני מבטת בה נפעמת,

נדמה: הנה זה אף

בחן קדומים, בשחור ולהט

עלתה מן התנ"ך.

וגשר פז נתלה ממנה

אל ארץ העברים.

וזכרונות ימי החסד

בנפש מתמרים.

בנוף נכר הלוך ונוע

(דרכים בו מי יספר?)

אני המרתי שחור ולהט

בתכלת ובנהור.

אף אם מעלתי – לא לנצח,

כחשתי – לא עד תם.

ושבתי שוב קשוב ההלך

אל כפר מולדתו.

כה אעמד פה לפניה

נפעמת אחותי,

בחן קדומים, בשחור ולהט

אזין עיני תקלתי.

ליד החלון

לשכנתי – טוביבה

В малюсеньком дворике снизу
(Мир печален и мрачен, но вот -
Есть что-то приятное глазу),
У соседки моей огород.

В огороде том на двух грядках
Ярко кудри гороха блестят,
Меж редиса глаз красноватых
Лука хвостики дерзко торчат.

Дворик спит, весь солнцем залитый...
Между грядками снизу в окне
Кто-то прежний милый, забытый,
Смотрит молча, взбираясь ко мне.

Моя маленькая радость

Моя маленькая радость... цветок,
Взращённый в тревоге рукой моей,
В саду своей жизни пустынной,
На земле тяжкой жизни своей.

Моя маленькая радость! Знаю,
Закон жесток, неуклонен и прост:
Каждую каплю росы омоет
Несчислимыми каплями слёз.

Это путь – и другого нет мне,
До конца придётся его пройти;
И всё помнить. И петь, и жаждать,
И всё помнить, молчать... и нести...

Хони Амаагаль

יש גם נחת, גם משהו נחת
בתבל הנוגה הזאת:
בְּחֶצֶר הַקִּטְנָה, מתחת,
לשְׁכָנָתִי – גִּנַּת יִרְקוֹת.

בגנה, בתלמיה השנים,
תלתלי אפונה יפים
וצנניות חכלילת עינים
וזנבות בצל חצופים.

ומבין התלמים מתחת
אל חלון חדר המורם
דמות-עבר אהובה ונשכחת
מטפסה ומבטת דומם.

ששוני הזעיר

ששוני הזעיר... הפרח
שטפחתי ביד חרדה
בגנת חיי השוממת,
באדמת חיי הכבדה.

ששוני הזעיר! ידעתי,
לא ימוט החק האכזר:
כל טפה של טל להדים
בנטפי דמעות אין מספר.

זו הדרך – אחרת איננה,
בה ללכת, ללכת עד תם;
ולזכר. ולשיר, ולכמה
ולזכר, ולדם... ולדם...

חוני המעגל

*)

Участь печальную Хони
Я чувствую сердцем своим:
«Шёл путник ему навстречу
И не поздоровался с ним».

Может, был возраст различен,
А может, он чужд людям был,
Под бременем вечных мыслей
Всю жизнь в одиночестве жил.

И я, за стеной укрывшись,
Спала, чтоб других не встречать;
Когда же пойду по дороге,
Приветствий мне нечего ждать.

Во сне мой друг и знакомый
Мне чужды. Замкнувшись в себе,
Иду, тень скорбная Хони
Лежит предо мной на тропе.

*) Хони Амаагаль – мудрец, живший в 1-м веке до н.э.

На Книге Иова открыт мой ТАНАХ

На Книге Иова открыт мой ТАНАХ .
Чуден муж ! Наставь нас сегодня
И беду принимать, как добро, - на устах
С благодарностью к каре Господней..

Если б так же, как ты, могли мы излить
Пред лицом Его слёзы и пени
И прийти, чтоб устало главу преклонить
Под конец на отцовы колени !

עצבון גורלו של חוני
העיב את נפשי היום:
"פגש בו אדם בדרך
ולא ברכו לשלום".

הלא הדור לא דורו הוא,
הלא מוזר הוא לכל,
ותחת כבד הנטל
של מרי בדידותו יפל.

הנה גם אני לבטח
ישנתי בסתר חומה;
אכן בעברי בדרך
ברפת שלום לא אשמע.

הנה בחלמי וזרו
מפר ורע גם לי.
צלו העגום של חוני
פרוש על פני משעולי.

תנ"כי פתוח בספר איוב

תנ"כי פתוח בספר איוב.
- איש מפלא ! למדנו גם אנו
לקבל את הרע כקבל את הטוב
בברכה לאל שהכנו.

לו כמורך נדע בהגה וְהִי
לפניו לשפף את השִׁיחַ,
וקמורך נבוא בחיקו האבהי
את הראש העֵיף להניח.

Этот день, он настал. Как ждала я!

Этот день, он настал. Как ждала я!
Что же сердце моё плачет вдруг?
Кто мне радость затмил нашей встречи
Жгучей горечью долгих разлук?

Что за горе меня поджидает,
Отравить утешенья успев?
Даже и на тебя, моё чувство,
Изолью свой скрываемый гнев?

Чтоб задобрить ревнивого Бога,
Что всех первенцев ждёт для себя,
Я свяжу и на жертвенник брошу,
Моё чистое чувство, тебя?

Своей рукой

«Это веление гордости: Своей рукой...»
(Из стихотворения в сборнике «Напротив»)

Своего сердца запру врата,
И забросит ключ в море рука –
Чтоб не дрогнуло сердце моё,
Слыша голос твой издалека.

Будут мрачными утра мои,
Будут вздохи вечерней порой,
И одно утешенье, что всё
Навлекла я своей рукой...

כה צפיתי ליום – והגיע

כה צפיתי ליום – והגיע
אך מדוע בוכה בי הלב?
מי הפך את שמחת פגישתנו
לעצבון הפרידה הנוקב?

מי הצר האורב לי בדרך,
המרעיל בארות נחמה?
האמנם, רחשי, גם עליך
תנתך חמתי הסתומה?

האמנם לשפר את הזעם
של האל התובע כל בכור,
אעקד על גבי המזבח
אף אותך, רחשי הסהור?

במו ידי

“זה צו הגאווה: במו ידי...”
(מתוך שיר בקובץ "מנגד")

את דלתות לבבי אגעל,
המפתח הימה אזורק –
פן חרוד יחרד הלב
לקראתך, לקולך מרחוק.

והיו בקרי אפלים,
והיו ערבי – אנחות,
ומכל תנחומי אף אחד:
כי ידי עוללה לי זאת...

Я взгляд твоих глаз возьму поспешно

Я взгляд твоих глаз возьму поспешно –
Печаль и смех, что запрятались там,
Твою благословенную нежность,
Для сердца они, как поле, – бальзам.
Я взгляд твоих глаз возьму поспешно,
Со скорбью глубокой песне отдам.

Пожелание

Только это: в твоих глазах быть хорошей,
Простой и чистой, как в былые мгновенья,
И высокой, что ещё не согнулась под ношей,
Тяжким гнётом бесплодного утешенья.

И тогда душа моя, которая без надежды,
Блуждает без пути и без цели по свету,
Вновь оденется в свои голубые одежды...
Быть хорошей в твоих глазах – только это!

Не осуждай меня...

Не осуждай, даже если я согрешила,
Отложи приговор, прошу тебя!
«Люби ..., как самого себя», да, я знаю, - *)
Но кто так же жесток ко мне, как я?

Не утешай – мой труп ещё не похоронен,
Не замирай испуганно у дверей.
Это лишь сердце моё пронзено стрелою,
Пропитанной ядом мести моей.

הנה אקח את מבט עיניך

הנה אקח את מבט עיניך –
עצבו השקט, צחוקו המאיר,
הרך הברוך הרועף ממך,
הרופא ללבי כמרחב הניר –
הנה אקח את מבט עיניך,
הנה אקח וצורתִי בשיר...

משאלה

רק זאת: להיות טובה בעיניך,
זכה ופשוטה כימי העבר,
ואת קומתי בטרם השחה
עקת המשא של נחם עקר.

אזי, הן אזי נפשי הנפתלת,
נפשי התועה בדרך־ים נלזזות
תלבש מחדש את שלמת התכלת...
טובה בעיניך – רק זאת!

אל תרשיעני...

אל תרשיעני, גם כי חטאתי,
אנא, ימתינן לא הגזר.
אל נא תזכיר "ואהבת כמוך" –
מי לי כמוני צר?

אל תנחם – ומתי לא נקבר עוד,
אל תתרחק נבְהל.
רק לבבי הוא הלב הפלוג

*) «и люби ближнего своего, как самого себя» (Тора, Левит, 19:18)

Прежними ночами

Посв. С.

Как во сне: всё другое, другое,
Мы летим в даль между берегами
Ты и я по Кинерету, двое
В лодке с белыми парусами.

Из лучей луны нить сплели мы,
Что связала нас прочно с тобою.
Сон не лгал –мы ещё там доныне,
В ночь идём золочённой тропею.

И о ней память нас утоляет,
Охлаждает в день знойный и светом
Озаряет, который мерцает
Во все дни, что пришли за ней следом.

Воспоминания

Старый пастух Абу-Цалàх
Будит меня: «Вставай, Рахель!»
Сон ожидания обманул.
Из дома спускаюсь, как тень.

Дом и двор другие совсем,
Я тоже другая, как дом, –
Одна, взволнована и мала,
В исполинском мире ночном.

בלילות מקדם

לשרה'לה בכנרת

פְּחִלּוּם: הַכֹּל – אַחֲרֵת, אַחֲרֵת
וְאֵל חוֹף לֹא-נֹדֵעַ טָסִים
אֲנִי וְאַתָּה עַל פְּנֵי הַכְּנֶרֶת
בְּסִירָה לְבִנַּת מִפְרָשִׁים.

מִקְרָנִי הַיָּרֵחַ שֶׁזָּרְנוּ שְׁנֵינוּ
אֶת הַפְּתִיל הַקּוֹשֶׁרְנוּ מֵאָז.
לֹא כָּזָב הַחִלּוּם – הֵן עוֹדֵנוּ, עוֹדֵנוּ
מְהֻלָּכִים בְּשִׁבְלֵי הַמּוֹפָז.

הֵן זָכְרוּ הַרְחוֹק כְּמִימֵי הַמַּבּוּעַ
הַמְרֹוּם-צוֹנְנִים בְּשָׂרָב.
לֵיל יָרַח אֶחָד – וְאוֹרוֹ זָרוּעַ
עַל יָמִים רַבִּים אַחֲרָיו.

זְכָרוֹנוֹת

הַרוּעָה הַזֶּקֶן אֲבוּ-צֶלַח
מְעִירָנִי: "קוּמִי, רַחֵל!"
הַחִלּוּם כָּזָב. מִן הַבַּיִת
אֲנִי צוֹנַחַת כְּצֵל.

הַחֲצֵר – אַחֲרֵת, אַחֲרֵת,
גַּם אֲנִי אַחֲרֵת, כְּלִי –
יְחִידָה וְקִטְנָה וְנִפְעָמָה
בְּעוֹלָם הַגָּדוֹל, הַלִּילִי.

Продолжат все спящие спать,
Сон их будет приятен, прост;
Но – соучастник ночи и тьмы -
Я допущена в тайну звёзд.

הַנָּמִים יוֹסִיפוּ יָנוּמוּ
וְשִׁנְתָם לָהֶם תֵּעָרֵב;
אֲךְ אֲנִי – שְׂתַפֶּת לַלַּיְלָה.
וּמוֹבָאֵת בְּסוֹדוֹ הַמְּכָכָב.

Ночное доение

חֲלִיבַת לַיְלָה

Во дворе свет луны пугает
Своим холодом, тишиной;
Быстро в хлев укрыться - к корове,
Тёплой, дышащей – вся покой.

בְּחֶצֶר – בְּעוֹתֵי יָרֵחַ,
לְהִטְיוֹ הַקָּרִים וְדִמְמָה;
הוּא, מִהֵרָ, לְמַקְלֵט, לְרִפְתָּ.
לְפָרָה, נוֹשָׁמַת, חֲמָה.

Голова большая сияет.
Тихо гладит её рука.
Моя жизнь с её жизнью свита
Сотней тайных нитей пока.

וְיָדִי מְלַטֶּפֶת חֶרֶשׁ
אֶת הָרֹאשׁ הַגָּדוֹל, הַמַּקְרִין.
מֵאַחִים חַיִּי עִם חַיֵּיהָ
בְּאַלְפֵי חוּטֵי מִסְתוּרִין.

Росток

נֶבֶט

Я нагнулась к грядке в своём саду:
Войско крошек братьев с листком-мечом,
Ростки деревьев в едином ряду,
Надёжно сердце и крепко плечо.

אֶל פָּנֵי עָרוּגָה גִּחְנָתִי לְרֵאוֹת,
אֶל פָּנֵי עָרוּגָה בְּגֹן:
צָבָא אֲחִים קִטְנִים, נֶבֶטִי אֵילָנוֹת,
לֵב בּוֹטֵחַ וְשִׁכָּם סִבְלָן.

Поднялись твёрдо, готовые в бой;
Поле битвы вздрогнуло, дрожь в рядах;
Ещё немного, мелкой пыли слой
Покорится и рассыплется в прах.

עָלָה וְעָלָה בְּקִשְׁיּוֹת זָכָה;
שָׂדֶה הַקָּרֵב מִתְרַפֵּט וְנָע;
עוֹד מַעֵט וְשִׁכְבַּת הָעֶפֶר הַדִּקָּה
תִּרְתַּע מִפְּנֵיהֶם, תִּכְנַע.

Храмы света над печальной землёй,
Ваша скромная храбрость пробилла мрак,
Усталым, неверным, нищим душой

מִקְדָּשֵׁי נְהִרָה בְּמַחֲשֶׁךְ עָגוּם,
גְּבוּרַתְכֶם הַצְנוּעָה הַזֹּאת –
לְלֶאָה, לְכוֹפֵר, לְדֹל-אֵין-מָאוּם –

Утешение вы, приказ и знак.

נְחוּמִים בָּהּ וְצוּ בָּהּ, וְאוֹת.

Цвета

צבעים

Земля вспаханная чернеет,
Лик воды – голубизна и свет,
Поля весть уже зеленеет
В уступах холмов, как секрет, *)
И фиалок росточки лелеет,
Чтоб дать серому камню букет.

מְשֻׁחֶרֶת אֲדָמָה נִחְרָשֶׁת,
פְּנֵי הַמַּיִם – תִּכְלֶת וְאוֹר,
מִזְרִיקָה בְּשׁוֹרֵת הַדָּשָׁא
בְּחֻגֵי הַגְּבְעוֹת, בְּמִסְתּוֹר,
וְרִקְפֹת צְנוּעָה מִבְקָשֶׁת
הַרְיִיד עַל סֵלַע אֶפֶר.

*) «В расселинах скал под кровом уступов» («Песнь песней» 2,14)
В Израиле пашни часто располагаются на холмах и в
предгорьях

В городе

בעיר

Здесь брусчатое основание
Не напоится даром дождя.
Здесь взволнованное расставанье
Песнь Творцу не споёт за меня.
И фиалки ушко – природы дар -
Раньше срока не порозовеет
И в назначенный час не согреет
Бетонный мёртвого тротуар.

אֶה אֲבִנִי הַמִּרְצָפֶת
לֹא תִרְוִינָה מִתֵּת הַיּוֹרֶה.
הַפְּרִדָּה הַנִּפְעָמֶת
לֹא תֹאמַר פֶּה שִׁירָה לְבוֹרָא.
וְאַזְנָה שֶׁל רִקְפֹת
לֹא תוֹרִיד טָרֶם עֵת,
לֹא תוֹרִיד בְּבוֹא הָעֵת
בְּבִטּוֹן-מִדְרָכוֹת הַמֵּת.

Зачем следишь за тропой

למה תרצה לעקב

Зачем следишь за тропой
Крутой, которой иду?
Сковал тебя, может, страх,
Что силы я не найду?

למה תרצה לעקב
שֶׁבִיל מְסֻרָר וְנִלְוֵז?
אֶת בְּעוּתִיךָ לְרֹאוֹת
אִיךָ אֶמְצֵא בִּי הָעֵז?

Пускай скрывает туман
Вершины гор на пути,
Но можно в их белизне
Разгадку скорби найти.

Нежность

И как странно, что гнева бури,
Те упрёки жестокие, ропот
Вдруг мне чуждое чувство вернули,
И искрится нежности шёпот.

И борьбы нет непримиримой
Между женщиной и мужчиной,
Ведь ты был мне братом любимым,
И ты был мне маленьким сыном!..

И желанье одно

— И желанье одно:
О минуте той горькой забыть —
Сердца ужас и крик:
Впредь в пустыне придётся бродить;
И вновь радостью жить
Прежней благословенной мечты -
Где то дерево, где,
Моё голубое озеро, ты...

Пути запретного

«Есть дозволенное и есть запретное...»

למה יכס ערפל
גם את ראשי הררי?
אל נא! בלבן שיאם
כפר לסוד הדף.

עדנה

ומוזר כל כך: הרגז הלז
ודברי תוכחה הקשים
כמו השיבו רוח מפלא ועז
בשבבי עדנה לוחשים.

ולא עוד אשה וגבר בקרב,
זה הקרב העתיק, קטלן –
פי היית לאח לי, לאח נאהב
פי היית לבני הקטן!..

ורצון רק אחד

— ורצון רק אחד:
להשכים הרגע המר –
זעקת אימתו
של הלב שנתעה למדבר,
ולשוב ולחיות
את גילו הברוך של אתמול –
הוי. אתה, אילני...
הוי, אתה, אגמי התכל...

עבותות האסור שקלעתי

“מותר יש ואסור יש”...

Огонь желания опалит, как свеча,
Путы запретного, что сплела для себя,
Как стебель листья к солнцу, ладонь протяну,
Нежности милостыню у тебя прося.

Душа моя обнажена и склонена
Над печалью жизни и смерти моей.
О, горе мне! Ты отвёл свой взор от меня,
От позора слабости моей и страстей.

И если

«Мы – дети»

И если дети, нас взрослых нет –
Блаженны, забывшие тяжесть лет.
Ещё перед нами путь долог – быть
Большими, грустными, память хранить.

И если дети, душой чисты,
Мы собираем радости, как цветы.
Рука крепка, нет желаньям границ,
И солнце смеётся в слезах ресниц.

Разбить и плакать

Разбить и плакать на своих обломках –
Вот участь страшная, судьба моя.
Не будет братская рука в потёмках
Защитой доброй от самой себя.

О братская рука, в ночную пору

עבותות האסור שְקלעתי
אש הכסף כפתייל תחרה,
וכלי, כגבעול אל השמש,
אמשך אל נדבת הרה.

ערטלה נפשי הגוחנת
על תוגת חיי ומותי.
אללי לי! הסבה עיניך
מנגדי, מקלון דלותי.

ולו

“אנחנו – ילדים”

ולו ילדים, ילדים קטנים –
ברוך משפּיחנו עקת השנים.
עוד רב לפנינו הדרך – להיות
גדולים ונוגים וזוכרי זכרונות.

ולו ילדים ורדי נשמה,
קוטפי ששונות כפרחים בקמה.
ידם לא תיעף, אוצרם עוד לא תם
ושמש צוחקת ברסיס דמעם.

לשבר ולבכות

לשבר ולבכות על גבי שברי –
זה חלקי האים, גורלי.
יד אחים טובה לא תושט אלי,
להגן מפני על שלי.

יד אחים טובה לשוא בלילות

К тебе взываю тщетно – не найти!
Как на Масличную, всхожу я в гору, *)
И лишь могилы на моём пути.

מְשׁוּעַ אֵלַיךְ נִיבִי.
כְּמוֹ עַל הַר הַזֵּיתִים אֶעֱפִיל לְעֵלוֹת
וְקִבְרוֹת מַעֲבָרֵי נְתִיבִי.

*) Масличная гора — возвышенность к востоку от Иерусалима, ключевое место в Библии... Она упоминается как место скорби, пророчеств о конце времён. (Википедия)

Праздник

חג

«В скорби сердца ты сеешь, -
Говорит людям притча, -
День придёт, и созрешь,
Словно колос пшеничный». *)

נִיבִים דּוֹבְרִים אֵלַי: זָרְעִינוּ
בְּמַעֲנִית לִבִּי;
יוֹם יָגִיעַ וְהָיִינוּ
לְשִׁבְלֵי זֶהָב.

Придут дети и спросят:
Что за злаки тут будут?
Раздашь бедным колосья,
Чтоб насытились люди.

וְיֵלֶד רַךְ יָבוֹא אֵלַיךְ
פְּרִחֵי דָגָן לִבֵּר,
וְהֵלֶךְ דָּל בְּמִלִּילוֹתַיךְ
רַעֲבוֹנוֹ יִשְׁפֹּר.

Так паши, сей от рани
В скорби сердца до ночи,
Разделить друг и странник
Праздник жатвы захочет.

חֲרֹשׁ, חֹרֶשׁ, וְזָרַע, זֹרַע,
בְּמַעֲנִית הַלֵּב,
וּבֹאוּ, בֹּאוּ, זֶר וָרַע,
לְחַג קְצִיר קָרֵב.

*) «Сеющие в слезах – жать будут с пением» (Хваления 126:5)

Молитва

תפלה

Раз для людей мне не пришлось прожить,
То пусть года мучения и страха
Разгневанного Бога ублажить
Помогут, как смерть дочери Ифтах. *)

אִם אֶת חַיִּי לֹא נָתַתִּי לָעַם,
לֹא עָנִי מוֹתִי מִמָּשָׁךְ
יִחְלֶה אֶת פְּנֵי הָאֵל הַנֶּזְעֵם,
כְּמִיתַת בֵּתוֹ נֶשֶׁל יִפְתָּח.

Когда вонзится в крону мне топор,
Пусть звук его вплетается пунктиром
В ликующий усталых братьев хор,
Вернувшихся с тяжёлой битвы с миром.

*) Ифтах поклялся, что если Бог пошлёт ему победу в бою, то он принесёт в жертву первого, кто выйдет из дома навстречу. Первой была его дочь. (Библия Судьи 11:30)

Прохладный вечерний ветер

Дул мне ветер прохладный вечерний в лицо,
Ветер тихо шептал мне: «Готовься, сестра...»
- Прости, ветер, печаль мою! Бремя неси
Горьких песен моих, глаз усталых. Пора!

Продолжай быть опорой и крепостью мне,
Даром чистым, прошу, оставайся со мной,
Дуй до ночи, пока не приблизится смерть
И закроет глаза мои стылой рукой.

Когда

«Только мёртвые не умрут»
И.Ш.К.

Лишь они остались, смерть в них не воткнёт
Острый нож, что с жизнью слилось - не умрёт.
Утром, в час вечерний на любом пути
Подойдут и тихо будут вслед идти.
И союз меж нами крепче с каждым днём.
То, что потеряла – то навек моё.

ובבוא הכּוֹרֶת לְכֹרֶת אֶת נוֹפִי –
לוֹ קוֹל גְּרִזְנוֹ יִתְעַרֵּב
בְּקוֹלוֹת רִנָּה שֶׁל אַחִים עֵיפִים,
בְּשׁוּבָם בְּשָׁלוֹם מִן הַקָּרֵב.

רוח ערב צוננת

רוח ערב צוננת נשבה בפני,
רוח ערב אִנְשָׁה לִי: “הכוני, אחות...”
אֵנָּה סָלַח לְעַצְבִּי! אֵנָּה שָׂא הַמַּשָּׂא
שֶׁל שִׁירֵי הַמָּרִים, שֶׁל עֵינֵי הַלְאוֹת.

וְהוֹסַפְתָּ לִהְיוֹת לִי מִשְׁעָן וּמַעַז
וְהוֹסַפְתָּ לִהְיוֹת לִי מַתֵּת נְהִיָּה
עַד הַלַּיִל הַקָּרֵב כְּאֲשֶׁר חִדְלוֹן
יַעֲצֵם אֶת עֵינֵי בִידּוֹ הַקָּרֵה.

מתי

“רק המתים לא ימותו”
י.ש.ק.

הם בלבד נוֹתְרוּ לִי, רק בָּהֶם בְּלִבְד
לא יִנְעֹץ הַמּוֹת סְפִינוֹ הַחֵד.
בְּמַפְנֵה הַדֶּרֶךְ, בְּעֶרֶב הַיּוֹם
יְקִיפוּנִי חֶרֶשׁ, יְלוּוֹנֵי דָם.
בְּרִית אֶמֶת הִיא לָנוּ, קֶשֶׁר לֹא נִפְרָד
רק אֲשֶׁר אֵבֵד לִי – קִנְיִנִי לַעַד.

